

Л. Замiatов

НАШИ

ДЕЛА

30 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1930 г

1939. 1939

472

12459

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Г. ЗАМЧАЛОВ

З. 96

НАШИ ДЕЛА

РИСУНКИ В. ВАСИЛЬЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

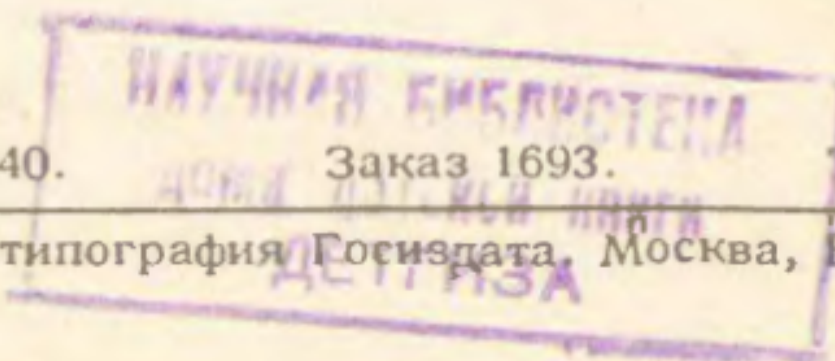
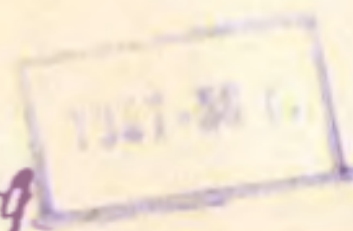
1930

РЕБЯТА!

Напишите свое мнение об этой книжке в Отдел детской литературы Государственного издательства. Письма можно посылать без марок.

Наш адрес: Москва, Рождественка, 4, Госиздат, Отдел детской литературы.

12459

маленький

Мы катались с горки. Оленка все время с одним Васькой Дуниным каталась, а с нами не хотела. Тогда я взял и вывалил Ваську в снег. Он вылез, а я его еще раз, потом еще. Он заплакал и ушел домой.

Оленка тоже пошла домой. Я догнал ее, говорю:

— Оленка, пойдем еще покатаемся.

Она нос задирает:

— Не буду я с тобой.

— Не все равно тебе? Вот увидишь: дальше Васьки будем скатываться. И не упадешь со мной. Я лучше его править умею.

— Не хочу я. У тебя шапка рваная.

Я хотел пугнуть ее, чтобы она не форсила, но тут из-за угла Анна Федоровна вышла, учительница в нашей школе. Подошла ко мне, спрашивает:

— Про тебя рассказывают, что ты первый озорник на весь конец. Правда это?

— Кто это сказывал тебе? Брешут они. Ты видала, чтобы я озорывал? Не видала, так и не говори.

— Попался! Вот возьму да в совет тебя отведу.

— Ну, и веди. Забоюсь, думаешь? Я ничего тебе не сделал.

— Ого, какой ты смелый! Вот такого мне и надо. Ты хочешь играть на сцене?

— На какой это сцене?

— Ты разве не видал? В школе у нас подмости такие сделаны, а перед ними скамейки. На скамейках народ сидит, смотрит, а на подмостках артисты играют.

— Да не играют вовсе! Представляют — я видел на ярмарке.

— Ну, представляют, все равно. Так как же ты, хочешь или не хочешь?

— А зачем ты из школы не взяла больших?

— Большой есть один. А еще надо маленького. Вот такого, как ты: смелого, чтобы он не испугался.

— Ну, тогда ладно. Я смелый. Я ничего не боюсь.

Когда Анна Федоровна отошла, Оленка подсыпалась ко мне:

— Пойдем, коль, покатаемся.

Я снял сапог, как будто мусор высыпать из него, наступил голый ногой прямо на снег и сказал:

— Холодно очень. Ступай домой, а то сопли замерзнут.

И пошел от нее.

Я думал: сразу соберется народ, мы выйдем и будем представлять, как на ярмарке. А там сперва приготовиться надо было. Мы восемь вечеров ходили на эти репетиции.

У меня хорошо шло, лучше всех. Там другой мальчишка был — большой-то, про него еще Анна Федоровна говорила. Это оказался Мишка Дунин, брат Васькин. Он все делал не так. То вперед забежит, а то совсем ничего сказать не может. Анна Федоровна велела ему на меня смотреть, учиться у меня.

Про наши репетиции все узнали.

Мальчишки и девочки тоже стали ходить в школу каждый вечер. Анна Федоровна не пускала их, чтобы не мешали. Тогда

они налеплялись на окна и заглядывали в них. На улице холод, стужа, а им ничего.

Кончится репетиция — они провожают меня до самого дома. Оленка старается поближе итти, заговаривает, а я даже не смотрю на нее. Только нарочно про Мишку рассказываю:

— Опять он не так делал. Как пенек — ничего не понимает. Анна Федоровна говорит: «Если бы знала, какой он, другого бы взяла». Я уж показывал ему, как надо, да он не умеет.

За три дня по селу бумажки расклеили про наше представление:

1 января в школе будет
СПЕКТАКЛЬ
ПРЕДСТАВЛЕНА БУДЕТ ДРАМА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ
— **ЗА НАРОДНОЕ ДЕЛО**

Дальше были фамилии написаны, кто представляет, а в самой середине моя — Григорий Тимсфеев. В конце — сколько надо платить за вход: пять копеек.

В этот вечер, когда мы шли с репетиции, ребята уговорились, чтобы каждый выпросил у отца пятак. Оленка сказала мне потихоньку:

— Гриша, я уже выпросила, вот он в кармане. Хочешь, покажу?

— Ступай, Ваське своему покажи.

— Я с ним не буду больше играть. Он такой же, как Мишка их. Пенек.

— А у меня шапка рваная. И на штанах заплатки. Ты не видала, нет? Четыре штуки. И в сапоге одном дыра. А ты играть с таким хочешь? Я б ни за что не стал с таким.

Она видит, я смеюсь над ней, осерчала:

— Никто и не хочет играть с тобой. Кому ты нужен? Васька еще лучше тебя. Ему отец новые салазки сделает. А тебе шиш

с маслом, что? Я и смотреть на тебя не пойду. Я лучше конфет на пятак куплю.

На новый год репетиция была днем. Кончилась — уже темнеть стало. Народ начал сходиться на спектакль. Возле школы собрались девчата и мальчишки со всего села.

Я два раза выбегал смотреть Оленку. Ее не было. Уже сцену приготовили, а ее все нет. Стали намазывать артистам лица и одевать по-другому. Я в последний раз выбег, всех девчат переглядел — нет Оленки. Хоть плачь. Тогда я послал за ней Митьку.

— Сбегай скорее, скажи, чтобы приходила. Вот отдай ей билет. Это мне Анна Федоровна дала, бесплатно. А на пятак пускай конфет купит.

Он успел сбегать, пока меня еще не намазали. Прибежал — отдышаться не может, аж пар от него идет.

— Ну, что?

— Вот, возьми назад. Она сказала: «Пусть подавится им».

Я оттолкнул его и побежал на сцену. Даже билета не взял у него: на что он мне теперь?

Когда впускали народ, я стоял за занавеской и смотрел. Все прошли, а Оленки как и не было. Ну, ладно, посмотрим. Нарочно буду лучше всех представлять. Все равно, ведь ей завтра все расскажут.

Когда открыли занавеску, мы были как-будто у себя в избе: Анна Федоровна, Мишка и я. Анна Федоровна пряла и говорила нам про отца, что он долго писем с фронта не шлет. Мишка вязал вентери. А я сидел на полу, играл в козны сам с собой. Вдруг приехал отец. Я вскочил, побежал ему навстречу и закричал: «Тятя, тятя приехал!» Анна Федоровна заплакала, как-будто от радости.

После этого мы долго разговаривали все вместе. Отец прижимал меня к себе и целовал. В будочке, закрытый от людей, сидел председатель и подсказывал, что надо говорить. Только я без него помнил

все. Мне хотелось поглядеть на народ, но Анна Федоровна запретила нам смотреть туда. А то еще заглядимся и собьемся.

Потом к нам стали приходить мужики. Отец рассказывал им про войну, как там мучают и убивают народ. Они качали головами и ругали царя.

Когда закрыли занавеску, Анна Федоровна похвалила меня, сказала, что я играл очень хорошо.

Во втором действии я только в самом конце выбежал на сцену, крикнул: «Тятя, тятя, урядник приехал!» — и опять убежал. Зато в третьем мне надо было много говорить. Отца нашего арестовали и увезли в тюрьму. В селе после этого был бунт. Мужиков тоже много арестовали. Казаки посвязали им руки. Урядник допрашивал их и бил нагайкой. Я зашел на сцену, увидел его и заплакал:

— Зачем ты нашего тятю увез? Дурак!

Казаки оттащили меня и держали за руки, пока он бил одного мужика. Дальше надо было, чтобы урядник меня тоже сперва допрашивал, а потом побил. А казаки бы скрутили мне руки и арестовали.

Но тут, пока меня держали, я нечаянно глянул туда, на народ. Там было темно. Не то что людей, даже лиц не видать. Одни глаза — тысяча наверно. И все на меня смотрят. Я хотел отвернуться — и опять глянул, поближе, в первый ряд. Там сидели Митька, Серега, Васька... Эх ты, а это кто? Оленка. Ну да, она. Вот тебе раз. А говорила, не придет...

Наверно я долго смотрел туда. Когда отвернулся, председатель из будки сердито шептал мне:

— Да говори же ты, чортов сын! Гришка, а Гришка!

Передо мной стоял урядник. Надо было ему говорить что-то, а я все забыл. Председатель захрипел на меня из будки:

— Да ты что, осатанел, что ли?... Вот гад!..

У меня все перепуталось, и я, должно быть со страху, заорал точь-в-точь как председатель:

— Да что ты, осатанел, что ли?... Вот гад!..

Поглядел в будку, председатель шипит:

— Ах, паршивец, ах, сукин прохвост! Так бы вот и хряпнул тебя!

Урядник за ним повторяет:

— Ах, паршивец! Ах, сукин прохвост! Так бы вот и хряпнул тебя.

Я подумал, что, может, так и надо, может, я правильно все говорю. Но председатель из будки грозил мне кулаком. Он был весь красный, злой — вот кинется на меня. Значит, неправильно я, по-другому надо. А как? Я, что ли, знаю? Чем злиться, лучше бы показал, как надо.

Я погрозил уряднику кулаком — лишь бы сделать что-нибудь. Потом обругал его. Он бросился за мной, а я от него под стол. Тогда он заорал:

— Казаки! Держите его, ловите! Дайте мне его, я ему все ребра обломаю...

Казаки ловить меня кинулись. Я прошмыгнул у них промеж ног, да в дверь — и убежал со сцены. Выскочил за перегородку, смотрю — Анна Федоровна машет руками и шепчет:

— Занавес! Скорей занавес!

Урядник на сцене рывкнул:

— От, проклятый! Убег!..

И занавеску задернули.

Вот, хвастал, хвастал: «Я лучше всех, меня хвалили, Мишке велели у меня учиться» — и дохвастал. Все испортил. И себя спутал и других.

Вы ведь так думаете, правда? Ну да, так. Я и сам так думал. Когда закрыли занавеску, немного времени — вот как дыхнуть наде два раза — было тихо. Я думаю: «Ну, пропал теперь я. Засмеют, по улице нельзя будет пройти».

Вдруг за занавеской, где народ, захлопали в ладоши. Сильно, будто стена в бараке обвалилась. Кто-то закричал: «Гришка! Моло-

дец!» За ним еще, еще. Открыли занавеску. Меня вытолкнули вперед. Анна Федоровна шепчет мне:

— Поклонись, поклонись. — А я у нее не пойму ничего.

Когда народ ушел, Анна Федоровна сказала:

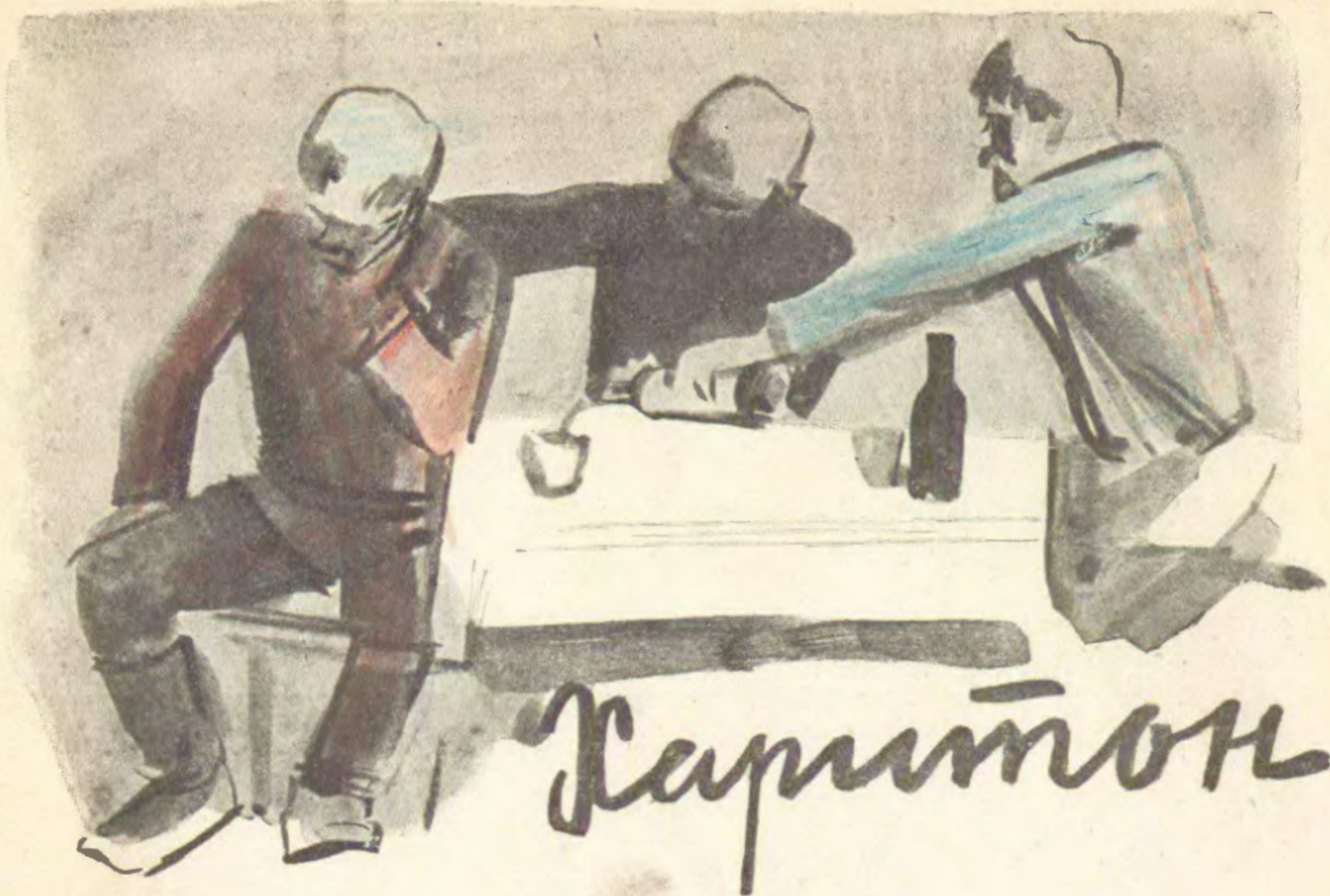
— Никто не понял. Подумали, что так и надо. А знаете? Может быть и в самом деле так лучше. Веселее. Уж очень было там печально.

Если бы она тут замолчала, так бы и кончилось все хорошо. А она под самый конец выговаривать мне вздумала. Да еще при людях.

— Ты, — говорит, — на сцене держишься, как у себя дома — великолепно. А из трудного положения как ты вышел — поразительно. Нет, ты талант, настоящий талант.

Ну, мальчишки узнали об этом, и теперь меня задразнили: талант да талант. Лучше бы я не соглашался тогда представлять.

Мамка утром пошла в совет, там нет никого. Секретарь больной, а председатель не приходил. Она подождала немного и назад вернулась. В обед пошла, опять никого. Вечером опять нет.

Тогда она пошла домой к председателю. А он далеко живет, на краю села, да еще на задах. Она долго проходила; вернулась и давай ругаться.

— Выбрали дурака. Чем такого, лучше бы совсем никого не выбирали. А то на мельнице бумажку требуют, председатель чтобы подписал, а он пьяный лежит, как собака.

На другой день председателев Ванька пришел к нам на улицу и стал рассказывать:

— Эх, как у нас вчера тятка с мамкой поругались! Он в нее сапогом как пустит — шишку ей набил. Она теперь на улицу не выходит. Стыдится, народ увидит.

— А за что это он ее?

— К нам пришли Игнат Семенович да еще этот толстомордый, Харитон. Принесли водки и давай наливать тятке. Он не хотел пить, а они уговорили его. Когда они ушли, мамка сказала, что тятку через них прогонят. Еще мокроглазым его назвала, пьяницей. Вот он и осерчал.

Митька Свинаренко сказал Ваньке:

— Теперь нельзя драться. Наш тятка побил мамку, а его в милицию хотели забрать. Вот и вашего так заберут.

— Нет, он наверно больше не будет. Он ведь раньше никогда не дрался. Это он вчера только. А так он у нас хороший тятка.

В этот день председателя опять не было в совете. До самой ночи. У нас мука вся выходит, надо на мельницу, а там без бумажки не мелют. Я утром пошел в тот конец, разыскал на улице Ваньку и сказал ему:

— Ты скажи своему отцу. Если он не будет подписывать бумажки, то мы на него жаловаться будем. Разве можно так? Людям на мельницу надо, а его не найдешь.

— Нам уж говорили. Вчера к мамке много людей приходило. А что она сделает? Опять энти пришли с водкой. Сели и не уходят. Мамка прогнала их, они и тятку с собой увели. Тятка поздно от них пришел пьяный. Хотел опять ругаться, да мамка не стала.

То же самое было и на третий день, и на четвертый, и на пятый. Больше недели председатель не заходил в совет. Бумажку нам подписал другой, который на его месте пока сидел. А он только пил с Харитонсом да с Игнат Семеновичем.

Люди стали ругать его. Кто к нам ни приходил, все жаловались и говорили, что свихнулся. Ванькина мать плакала:

— Пропадет он с ними, сопьется начисто, в тюрьму сядет. Что я тогда буду делать?

Тут к нам комиссар приехал. Должно быть, старший над всеми. Собрал мужиков к совету и стал с крыльца выговаривать им, что хлеб не сдают лишний.

— Другие, — говорит, — села давно уж, давно все сдали, а вы никак не раскочаетесь. Разве хорошо так?

Я думал, председатель попадется теперь. Комиссар хватится его, а он пьяный. Посмотрел — он там же стоит, с комиссаром. Трезвый. И Харитон там же, и Игнат Семенович, и другие богачи — все трезвые. Должно быть, им заранее сказали.

Комиссар долго говорил. Мы стали загадывать, кончит он засветло или нет? Только загадали, он взял и перестал. Только спросил:

— Кто хочет сказать что-нибудь?

Мужики молчали.

— Ну, что же, говорите. Вам может непонятно что.

Опять все молчат. Вдруг вышел к крыльцу Харитон. Снял шапку, почесал над бровью и сказал:

— Оно, как сказать, правильно это, все правильно. Ну, и мужики тоже невиноваты. Оно, как сказать, ежели хлеб помятый, то винить нужно не стадо, а пастуха.

Комиссар не понял ничего и нахмурился.

— Вы яснее говорите. Что это значит — пастух, стадо, помятый хлеб? Кто помял, где?

А мы сразу догадались. Митька толкнул меня в спину.

— А это он, знаешь, про кого? Про председателя. Вот толсто-пузый.

И правда, Харитон засмеялся будто про себя и прямо сказал:

— Председатель у нас не больно того. Выпить чересчур любит. Надысь с месяц глаз не казал. Оно, как сказать, все мы грешим. Ну, да ведь он голова всему. Без головы как же? Нельзя без нее. Вот до него у нас был председатель. Этот — огонь. При этом бы давно все вывезли. А этот, что же... Слабосильный он.

Комиссар въелся глазами в председателя. А он покраснел весь и головы не поднимает.

Тогда комиссар стал мужиков спрашивать.

— Правда это, пьет? Как же вы раньше не сообщили? А члены совета — вы-то что же смотрели?

Никто ничего не говорил. Я глянул на Харитона. Он все чесал свою бровь и посмеивался.

Тогда я крикнул:

— Дяденька!

Вместе со мной точь-в-точь так же крикнул Митька. Комиссар повернул к нам голову. Мы поглядели друг на дружку. Я вижу, Митька не говорит ничего. Значит, мне надо.

— Дяденька, ты не слушай его...

И Митька со мной:

— Дяденька, не верь ты ему. Они...

Ванька председателев вылез и тоже крикнул что-то. Комиссар велел кому-нибудь одному говорить. Я вышел и рассказал, как его поили. Когда я кончил, богачи стали кричать, что я наврал про них. Они все ругали председателя и хвалили старого. Но тут уж вмешались другие мужики и рассказали все, как было. И про старого председателя рассказали. Он был зять Харитону и делал все, как ему велели богачи. А про нового сказали, что он только что эту неделю пил, а так он все делал правильно. Когда все замолчали, комиссар сказал:

— Однако, все равно этого так оставить нельзя. Надо расследовать. Это безобразие.

Вечером он ходил к председателю домой, расспрашивал Ваньку и его мать. На другой день вызывал в совет Харитона, Игната Семеновича и других мужиков. Потом забрал с собой председателя и уехал.

Пять дней не было председателя. Сказали, что он сидит в тюрьме, а он на шестой день приехал и начал опять работать в совете. Должно

быть, ему здорово всыпали, потому что он совсем бросил пить. Ванькина мать стала веселая, как в праздник. Только нам с Митькой было не до веселья: Харитон поймал нас и давай за уши драть. Митька вырвался, а мне он все ухо отвинтил. Да еще грозился не так проучить нас.

хлеб

У нас хлеб кончился
весь, и больше печь не
из чего: муки не было.
Мамка ходила к богатым
мужикам, просила, что-
бы займы дали, а они
не дали.

Нам с Ванькой есть
было охота, да уж мы

молчали. А Фроська дура, не понимает ничего. Она все время
приставала:

— Мама, я есть хочу.

Мамка ей сколько раз говорила:

— Доченька, где я возьму-то тебе? Нету у нас ничего.

А она все свое:

— Мама, дай хлебца.

Мамка зачем-то на двор вышла. Я подошел к Фроське и кулак
ей показал.

— Видала вот?

Она говорит:

— Видала.

— А будешь еще хлеба просить?

— Буду.

Я хотел ее стукнуть по спине, да не стукнул: маленькая она, еще заплачет.

Вечером мамка ушла куда-то. Должно быть, опять к богатым мужикам. Я говорю:

— Ванька, ты посиди с Фроськой, а я на улицу пойду. Поиграю немножко, потом ты.

— Ну, иди. Только не долго.

— Ладно, я скоро.

Вышел на улицу — там никого нет. Холодно очень, нос отмерзает. Я потоптался у ворот, нога об ногу постукал, все одно холодно.

Тут в Плетневой избе свет зажегся. Я увидал и пошел к ним. Мамка говорила, они хоть небогатые, Плетневы, а хлеба у них много.

Тетка Анна у печки возилась. Я, как зашел, хотел сразу хлеба просить. А мне стыдно стало: как нищий, все одно.

Тетка Анна спрашивает:

— Ты чего, Гришка?

А я молчу, не знаю, что говорить.

— В гости, что ли, пришел?

— Нет, я хочу... Тетка, Анна, у тебя воды много?

— Нет, вот отец придет, пойду принесу.

— Давай я схожу.

— Куда ты в такой холод пойдешь? Еще замерзнешь.

— Нет, мне легко. Я дома всегда хожу за водой.

— Да с чего это ты надумал за водой итти?

— Тетка Анна, дай схожу. Тебе, что ли, жалко? Я схожу.

Она сперва не давала, но потом говорит:

— Ну, коль тебе так охота, поди сходи. С одним ведром. Два не бери, а то вовсе не пущу.

Я схватил ведро и живо сбегал. Даже не устал ничуть. Принес, она «спасибо» сказала.

— Вот молодец! Теперь мне до завтра не итти.

А немного погода спрашивает:

— Как вы живете-то? Плохо, поди?

Я говорю:

— Нет, ничего. Мы хорошо живем.

— Хлеб пока есть?

— Нисколько нет. Мамка ходила занимать, да ей не дали.

— Да вы хоть нынче-то ели?

— Нет, не ели. Мы не хотим. Одна Фроська только плачет.

— Ах ты, дурак этакий! Что же ты мне раньше не сказал?

Она вынула из печки щи, налила мне чашку:

— Садись, поешь вот.

Потом, когда я поел, она достала целый хлеб и дает мне.

— На, неси скорей.

Я взял и бежать. Выбежал на двор и опять вернулся.

— Тетка Анна, я завтра приду помогать дяде Тимофею убираться.

Она засмеялась.

— Что же с тобой поделаешь, приходи.

— Ты скажи ему, тетка Анна, ладно? Я и воды опять буду приносить.

— Да иди ты, ну тебя совсем. Там люди не евши, а ты...

Я домой прибежал и хлеб нарочно в сенях спрятал. На скамейку положил, его и не видно в темноте.

Захожу в избу, мамка за столом сидит. И Ванька с Фроськой. А на столе ничего нет. Мамка положила Фроськину голову на колени, гладит ее и сама плачет.

Я спрашиваю:

— Мама, ты чего это?

Она ничего не говорит.

— Это ты, что хлеба нет, плачешь?

Она еще ниже нагнулась над Фроськой и голосом заплакала.

Я говорю:

— Мамка! Ты не надо плакать. Я тебе, сколько хочешь, достану хлеба.

Она не поверила.

— Дурачок ты мой, где ты его возьмешь-то?

— А хочешь, сейчас целый хлеб принесу?

Опять не поверила. Только засмеялась.

Тогда я побежал в сени, принес оттуда хлеб и положил на стол.

— Нате, ешьте. А я не хочу, я уже наелся. А завтра еще заработаю.

И отсел в сторону.

Яблоки

У нас на краю деревни был сад. Большущий. Казенный назывался. В нем все росло: вишни, яблоки, груши и всякие ягоды. А сторож в нем был старый и злой.

Я сам не видал его, мне мальчишки рассказывали. Он в них из ружья стрелял. Заряжал солью и целил по пяткам, чтобы ходить было больно.

Вот раз мальчишки зашли за мной и говорят:

— Гришка, айда за яблоками в казенный.

— А если подстрелят?

— Они теперь не стреляют, у них вся соль вышла.

Я взял да и пошел с ними.

Забор у сада был высокий, из гладких досок сделан, а сверху вдобавок еще колышки. Залезть на него никак нельзя было. Но мальчишки знали одно место, на углу. Там кто-то сделал топором зарубки.

Мы по этим зарубкам залезли на забор, а оттуда, по дереву —

в сад. Нарвали яблок полные карманы. Другие мальчишки еще за пазуху наклали, а я не стал; зачем мне много, все одно не поем.

Только мы хотели назад итти, один мальчишка крикнул:
— Сторож!

Я спрыгнул с дерева, а у меня из кармана два яблока выпали. Пока я поднимал их, сторож подбежал уже совсем близко.

Я скорей кинулся догонять товарищей. Догнал, залез на забор и хотел спрыгнуть вниз. Только как-то нечаянно зацепил рубахой за колышек и повис на нем. А рубаха у меня новая была, крепкая, посконная.

Мне бы надо встать на забор, отцепить рубаху и слезть. Еще успел бы. А я перепугался, вишу и не знаю, что делать. Сторож снял меня — и назад, в сад. Я говорю:

— Дяденька, ты только к мамке меня не отводи. Лучше сам побей.

Он постоял немного, подумал и спрашивает:

— Ну, что же мне с тобой делать?

Потом поднял с земли веточку сломанную и показал мне:

— Смотри, сломанная, да?

— Сломанная.

— Теперь сюда смотри.

И показал мне такую же веточку на дереве, не сломанную. На ней было восемь яблок.

— Видал? То бы на ней на тот год тоже выросли, а то вот она лежит на полу.

Потом он показал мне еще маленькое деревцо. Оно было совсем сухое, и на нем ничего не росло.

— Тоже вы сломали. Дураки вы такие. Да ведь этой яблонькой все бы вы сыты были да еще и осталось бы. А вы сломали. Ну, скажи, хорошо разве это?

— Нет, дедушка, не хорошо.

— То-то вот, а ломаете.

Он еще долго водил меня по саду и все показывал, сколько мы напортили деревьев. Под конец он сам еще дал мне яблок и сказал:

— Бить я тебя не буду и к матери не поведу. Ну, а если поймаю в другой раз, тогда пеняй на себя.

Я ушел и больше никогда не лазил в казенный.

О К У Р О К

За соломой нас не видно было. А мы еще взбили ее — получилась настоящая гора. Васька Саушев вынул табак, бумагу, свернул пять цыгарок, чиркнул спичкой и задымил. Мы все тоже взяли по цыгарке. Серега пристал, чтобы я первый закурил.

— Ты не хотел сперва, так вот теперь начинай раньше всех. погоди, Васька, пускай сначала Гришка.

— Верно, пусть он. А то он... Тише, кто-то идет! Прячьте цыгарки.

Митька выглянул — на задах нищий какой-то.

— Дедушка, тебе чего тут надо?

— А я, родимый, зашел на двор — никого нету, в избу зашел — опять никого. Вот я сюда и направился. Думал, тут хозяева.

— Нет, хозяев дома нет. Ты другой раз приходи.

— Ну, что же, зайдем вдругорядь. Наше дело такое.

Когда он ушел, цыгарки наши потухли. Мы зажгли их снова. Я стал курить, мальчишки говорят:

— Ты не так. Так ты только дым пускаешь.

— А как же надо?

— Ты возьми... Пойдите, опять кто-то идет... Вон разговаривает... — Посмотрели — это Серегин отец с нищим. Мы испугались, думали, нищий скажет про нас, но он не сказал. Серегин отец поговорил с ним, потом увел, должно быть, милостыню давать.

Тогда мы снова начали. Меня научили, как надо курить правильно. Надо сначала набрать полон рот дыму, а потом сразу вдохнуть его в себя. Я сделал так и задохнулся. Из глаз у меня потекли слезы, я насилу откашлялся.

Мне бы надо сразу бросить, да ребята засмеялись надо мной, стали девчонкой называть — разве тут бросишь?

Второй раз у меня как-будто легче получилось, только затошнило сильно, и голова закружилась. Ребята спрашивают:

— Ну, что, как?

— Ничего, говорю, хорошо. Я, сколько хочешь, могу.

А сам чуть не падаю.

За мной и другие стали затягиваться. У них тоже потекли слезы, а лица побелели. Они один хуже другого кашляли и плевались. Митька, так тот сразу не вытерпел: зажмурил глаза и кинул свою цыгарку. Я говорю:

— Ага, трусил! А еще надо мной смеялся. Смотри, я как!

И я еще два раза затянулся. После этого мне стало до того плохо, что я скорей пошел домой. Сказал, что мать мне дала работу, долго мне нельзя, и пошел. Ребята на этот раз не засмеялись надо мной, а Серега даже сказал:

— Иди, мы тоже сейчас пойдем. У нас ведь тоже работа.

Меня шатало, и все кругом меня то опускалось книзу, то подымалось кверху. Пока я дошел до дома, меня два раза вырвало. Мамка увидала меня и руками всплеснула:

— Ой, что это... Что с тобой? Побелел весь, дрожит... Да ты скажи, что у тебя.

— Не знаю, кружится...

Сел на кровать — меня как катнет вниз. Аж в кровать вдавился. Мать кричала надо мной, суетилась, а я думал, что уже помер, и не открывал глаз...

Проснулся я ночью на улице. Возле меня стояла мать с сестренкой на руках. Рядом с ней была другая сестренка, Фроська, и еще люди. Я спрашиваю:

— Мама, что это?

— Пожар, сынок, горим.

— Где горим? А что же огня не видать?

— А вон — видишь, как полыхает...

— Ну, это далеко. Я думал, правда, мы.

— Дойдет и до нас, теперь сушь вон какая.

Подлетел мужик. Замахал руками и крикнул:

— Эй, чего вы стоите? Помогать надо.

И убежал. Трое мужиков от нас пошло на пожар. Я хотел тоже пойти туда, потихоньку от мамки, но она увидала и схватила меня за руку.

— Куда ты пойдешь? Чтобы задавили, да?

Так я и остался.

Пожар сначала делался все сильнее. Даже там, где мы стояли, и то от него было светло. Мамка хотела уже вещи вытаскивать из избы — думала, до нас дойдет. А он вдруг стал затихать. Немного погодя, пришел мужик и сказал:

— Остановили. Энта изба вся сгорела, а дальше не пустили.

Мамка отнесла девчат спать, а сама опять пошла на улицу. И я с ней. Возле нас собралось много народу. Все говорили про пожар.

— Ты гляди, как занялось: враз как и не было избы. Будто языком слизнуло. Ведь вот сила!

— Не иначе, как подожгли. Может свой же кто и поджег.

— Какой там свой! Нищий. Герасим-то видал его. Все, говорит, на базах вертелся. А с задов все и началось.

— Сперва-то не у них, сперва у Саушевых загорелось, сарай. А потом на их сарай перескочило, с сарая на погребицу, с погребицы на избу.

— Там Анна убивается — беда! Все волосы на себе изорвала.

— Шутка ли — все сгорело. Куда они теперь?

Стало светать. Я отпросился у мамки и пошел на пожар. Там уже все кончилось. Народ разошелся. Только возле Саушевых стояло человек десять мужиков. Подальше от них, прямо на дороге, лежали вещи: самовар, одежда, сундук. За ручку сундука был привязан теленок. На одежде сидели Серегины братишки Петька и Ванька, а над ними стояла мать, тетка Анна. Я хотел ее спросить, где Серега, да не стал: она вся была растрепанная, чумазая, страшная.

От Серегиной избы остались только три стенки, да и то обгоревшие все. Они были мокрые, залитые водой. Изнутри шел пар. Там

было навалено много черных бревен. Из-под них виднелась спинка кровати — красная, совсем нетронутая. А что, если под бревнами Серега?

Я подбежал к мужикам. Там его не было. Только отец его был, дядя Герасим. Но его тоже нельзя было спросить: он как раз говорил про нищего. Рассказывал, как он увидел его на базах, и грозился убить. Тогда я опять кинулся на пожарище. Заглянул под все бревна в избе, осмотрел двор, зады, слазил под амбар — Сереги нигде не было. Выбежал на гумно и закричал:

— Серега! Где ты?!

Никого. Пусто. Я уже хотел назад бежать, смотрю — из-за ржи выглянула Серегина голова:

— Гришка, ты не кричи. Иди сюда, я тебе скажу что.

Я зашел на ригу.

— Гришка, я знаю, кто поджег нас.

— Кто?

— Ты только не говори никому, а то тятка убьет меня. Это мы подожгли. Вчера-то, помнишь? Я смотрел там. Оттуда началось. Митька еще окурок-то бросил.

Серега с матерью и с отцом всю осень по чужим дворам жили. На зиму им дали пустую избу, а теперь они выстроили себе новую.

Нищий тот больше не приходил к нам. Мы все боялись, что он придет, и дядя Герасим убьет его. Но он, должно быть, узнал про это, и его больше нигде не видали.

В избе-читальне у нас висит картина. Под ней написано: «Табак и водка — враги человека. Пьяница и курильщик не доживут своего века». Мы, когда смотрим на нее, вспоминаем, как мы учились курить и что из этого вышло.

Не знаю, как другие, а мы больше курить не будем. Спасибо, накурились.

товарищ тряпкин

Про Серегу, у которого изба сгорела, я еще знаю: как его дразнили Тряпкиным, а потом бросили. Про это обстоятельство [надо, чтобы все знали. У нас про него все говорят, и большие, и маленькие. Даже когда в другое село приедешь, и там спрашивают:

— Правда это — про вашего парнишку одного болтают, про Серегу? Брешут, поди?

Он упрямый, Серега. Если задумает что, так его ни за что не остановишь. Тогда, после куренья, он последний ушел. Его и рвало больше всех.

Вот так же и тут было. Давно еще, года два назад, нам сказали, что надо тряпки собирать. Про это, говорят, в газетах было написано. Кто много наберет, тому корову выдадут. Из тряпок что-то делают на фабриках, для этого их и собирают.

Мы тогда уговорились вместе собирать, — Серега, Митька и я. Сначала мы здорово взялись. У Митьки на задах старые сани стояли, так мы в них таскали. Тряпки, чулки старые, валенки — все, что под руку попадалось. Потом про это узнали другие мальчишки. Они стали смеяться, дразнить нас.

— Подайте тряпочку на заплаточку.

Мы с Митькой застыдились и бросили. А Серега, знай себе, собирает. Ему проходу не давали. Куда бы он ни пошел, мальчишки кричали ему:

— Товарищ Тряпкин! Зайди к нам, у нас много сору.

Он с кем дрался, а к кому, и правда, заходил собирать тряпки. Когда у них сгорела изба, — мальчишки по-новому стали над ним:

— Вы думаете, он на корову собирает? Как же, будет он пачкаться из-за коровы. Это он на избу. Наберет полон двор, продаст и дом купит под железом.

В санях стало полно тряпок. Митькина мать увидала и заругалась:

— Заразы натаскал, хвори всякой! У меня чтобы не было этого! Пускай куда хошь уносит. А то сожгу.

Серегины тогда жили в пустой избе. Там сарай был. Серега было перетаскал свои тряпки туда, а отец прогнал его:

— Пожару хочешь наделать. Один раз сгорели, так тебе мало.

Пришлось ему вырыть яму, настлать в нее соломы и складывать пока туда.

Весной Серегин дядя собрался в город ехать. Серега упросил его забрать тряпки. Наложили целый воз. Дядя смеялся:

— Там, в городе, с тряпками щи варят. Заместо мяса. Он, Серега-то, не дурак у нас: знает, на чем заработать.

Когда они с Серегой выезжали из села, за ними бежали человек двадцать мальчишек и кричали:

— Не забудьте корову!

— Глядите, как бы ее в лесу не загрызли!

Приехали они поздно вечером. Я спрашиваю:

— Ну, что, Серега? Дали тебе что-нибудь?

— Ну да, дали. Не корову только. На корову надо было еще три раза по стольку. И чаще набирать надо.

— А что же, денег дали?

— Нет, и не денег. Если бы я захотел, так они бы денег дали, только мало. Я лучше бумагу взял.

Он показал мне большой лист бумаги. Красивый, правда, только все-таки не деньги ведь это. Я отдал ему обратно и сказал:

— Бреешь ты все. Кабы тебе денег дали, ты бы, небось, не переменил их на бумажку.

— Брешу, да? А хочешь, завтра пойду в город, и мне за нее дадут денег? Только я лучше подожду. Может побольше еще выйдет.

— А, пошел ты! Так я тебе и поверил.

Мальчишки дня три посмеялись над Серегиной бумажкой — как, мол, она, доится или нет. Может лучше было корову взять? А потом бросили. Не все же помнить это. Ну, набрехал, и ладно. Так и забыли об этом.

А осенью к нам раз пришел Серегин отец и говорит:

— Марья, я с радостью к тебе: десять рублей вот принес.

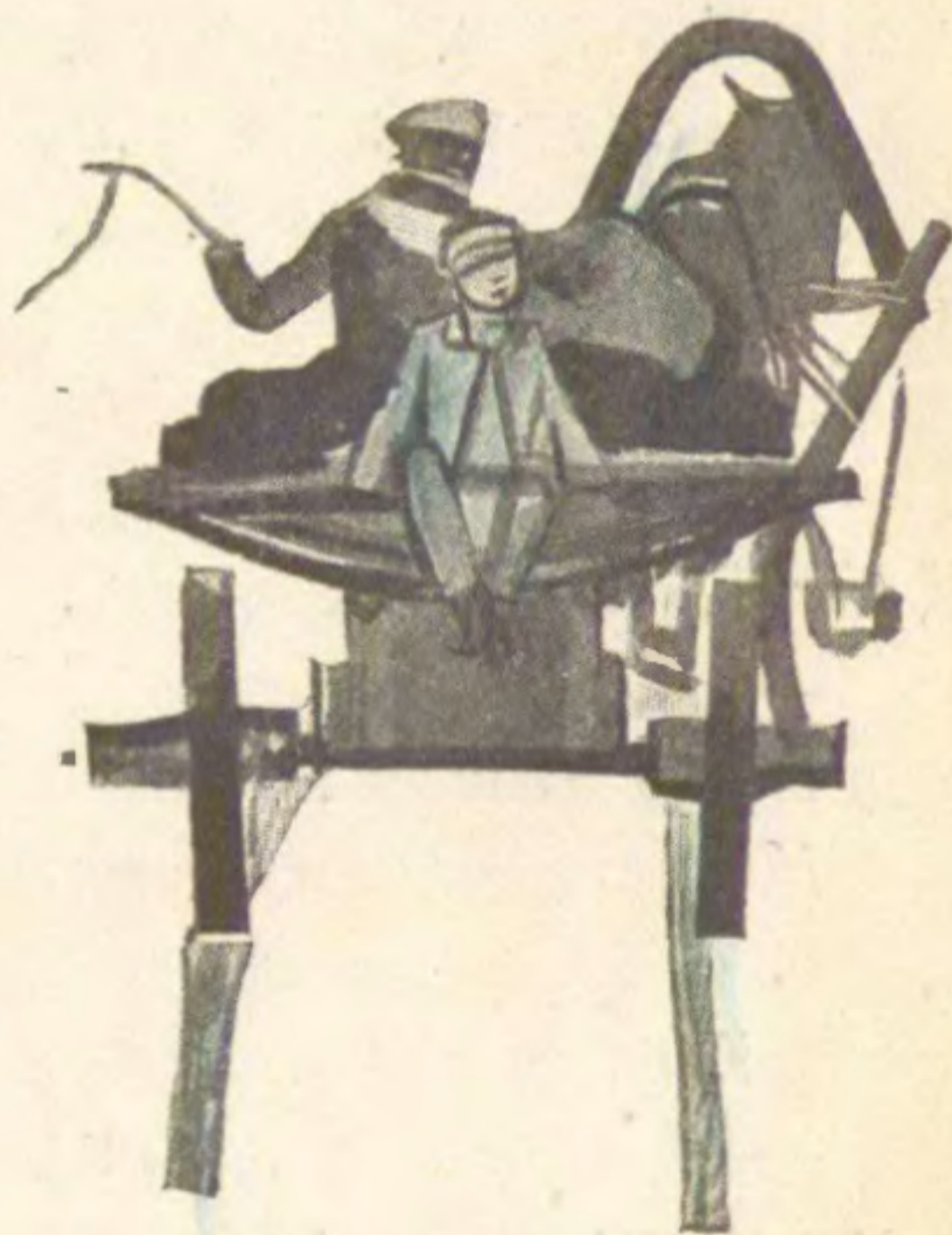
— Ой, десять рублей! За что это?

— Шут его знает. Я и сам не знаю, за что. Помнишь, мой Серега тряпки собирал? Ну, вот. Отвез он их в город. Дали ему там бумагу. Сказали, выигрышная. Я еще, помню, осерчал: «Какая там выигрышная! Болтаешь зря. Коли правду давали денег, брал бы уж». А вчерась поехали, там говорят: «Выиграла ваша бумажка. Получите деньги». Смотрю—правда, выдают две с половиной сотни! У меня уж руки затряслись.

— А за что же нам-то?

— Серега говорит, там и Гришкина доля была. Да еще этого, Митьки Свиначенка. Они вначале-то вместе собирали.

Через месяц Серегины себе новую избу выстроили. Не под железом, правда, но хорошую, лучше той, что сгорела.

ВОЛКИ

Наши делянки были рядом с делянкой дяди Петьки. Вот он и сказал мамке:

— Марья, у тебя лошади нет, а у меня Татьяна захворала. Давай вместе убирать. Я тебе и скошу и перевезу, а ты у меня за место Татьяны вязать будешь.

Стали мы вместе с дядей Петькой косить. Мамка днем вяжет, а на ночь домой приезжает, убираться. Я тоже ездил в поле, помогал мамке вязать.

Один раз мы заработались долго. Дядя Петька говорит:

— Темно уж, не ездите нонче. Мало ли что может случиться. Кабы не через лес ехать.

— А как же дети-то? И твои будут голодные и мои. И корова недоена останется.

Мы подождали, пока взойдет месяц, и поехали.

В лесу было темно и страшно. Мамка посадила меня рядом с собой и, чтобы я не боялся, все время говорила:

— Вот сейчас и приедем. Тут недалечко, живо прокатим. Да и кому мы нужны-то, правда, сынок?

А сама тоже боится, лошадь то-и-дело погоняет. И кобыла боится. Бежит и оглядывается — тут ли жеребенок. Как он немножко отстанет, так она начинает тише итти, а то и вовсе остановится и тихонько ржет: подзывает его к себе. Из леса когда выехали, стало как днем: все поле видно. Мамка положила кнут в телегу. Кобыла пошла тише, а у меня весь страх прошел. Я говорю: — Мама, а я и в лесу не боялся. Мне хоть сейчас назад, так ничего.

Тут кобыла остановилась. Чего это она?

— Должно быть, надо ей. Пускай постоит.

Кобыла опять тихонько заржала. Я посмотрел — у ней голова поднята кверху и уши сложены вместе. Вдруг она как фыркнет и с места рванула. Мы с мамкой повалились назад, а она вскачь понеслась.

Мамка оглянулась и крепко схватила меня за руку: — Волки!

Я тоже оглянулся. От леса вдогонку нам, и правда, бежали волки. Я хотел посчитать их, да не смог: телега очень прыгала.

Мамка опять схватила кнут и начала хлестать кобылу. А ее и погонять-то нечего было, она сама скакала во весь дух.

Я повернулся лицом назад и так сидел, смотрел на волков. Они бежали скорей нашей кобылы и становились все ближе и ближе. Впереди бежал самый большой. Когда он стал уже совсем близко к нас, я увидал, что у него открытый рот.

У нас от тряски выпал задок от телеги. Волки добежали до него, остановились, понюхали и опять погнались за нами.

Мамка все хлестала кобылу. С нее съехал с головы платок, а она и не видала. И как задок выпал, тоже не видала. Она только махала кнутом и оглядывалась на волков.

До деревни было уже недалеко. Вот только проехать бы еще маленький лесочек, а там и деревня.

Но тут, как назло, кобыла пошла тише. Жеребенок почуял волков, испугался и стал лезть ей под брюхо. Ей надо бежать изо всей силы, а он мешает.

Передний волк был уже около самого задка. Я отвязал от телеги ведро и кинул в него. Ведро ударило его по голове, потом скатилось на дорогу и загремело. Волк зарычал и кинулся на него. Я видел, как он схватил его за край зубами, поднял и потряс в воздухе. Когда он его бросил, подоспели задние и кучей тоже набросились на него. А мы пока отъехали. Мамка ударила кнутом жеребенка. Он выскочил из-под кобылы и, как ошпаренный, помчался вперед. Тогда и кобыла опять поскакала.

Но у самого лесочка волки все-таки догнали нас. Передний сразу стал забегать вперед, к кобыле. Мамка хотела ударить его кнутом. Он поймал кнут зубами и вырвал у ней. Тогда мамка прижала меня к себе и стала кричать. Я тоже заплакал и уткнулся головой мамке в колени. Я думал, что волки сейчас нас съедят.

Немного погодя, мамка перестала кричать, и я услышал совсем близко, рядом с нами, балабон. Поднял голову — смотрю, быки, шесть штук, за ними какой-то мужик. А волки уже далеко от нас.

Мужик подошел к нам и сказал:

— Я тут в лесочке был с быками. Услыхал крики, вышел, смотрю — волки. Я на них быков. А они быков страсть как боятся.

**ЗАМЧАЛОВ, Г.
КУРНОСАЯ**

Рассказ о том, как деревенская девочка по прозвищу „Курносая“, над которой подсмеивались все школьники за то, что у нее и нос, и косичка, и даже полусапожки торчали кверху, стала вожаком всех ребят и как усмирила самого первого шалуна и забияку в школе.

**ЗАМЧАЛОВ, Г.
НА БАХЧУ**

Рассказ. Рис. И. Мрочковского.

Приключения деревенского мальчика Гришки, впервые поехавшего работать на бахчу-огород. О том, как по вине старой и глухой бабки, сопровождавшей мальчика, они сбились с дороги; как на бахче лошадь, которую караулила бабка, потоптала дыни и арбузы; как по пути домой с телеги упали дыни, которые стерегла бабка, и т. д.

**ЗАМЧАЛОВ, Г.
СУДОК**

Деревенский школьник, ночью, тайком от родных, отправляется на озеро ловить рыбу из садка дяди Степана, которому он решил отомстить за обиду. На озере он встречается с незнакомым человеком, и они ловят рыбу вместе, торопясь закончить свое дело до прихода Степана. Придя домой, мальчик узнает, что незнакомец, выдававший себя за бедного крестьянина, был их деревенский поп, и с огорчением говорит: „Сам про попов буду писать, какой от них вред, а сам вместе с попом рыбу крал“.

**ЗАМЧАЛОВ, Г.
ТЯСИНА**

Рис Пастухова.

Про то, как три деревенских мальчика спасли лошадь, завязшую в трясине (болоте). Как поп, к которому мальчики обратились за помощью, отказался им помочь: не сдохнет, мол, лошадь, „бог не допустит“. И про отчаяние попа, когда он узнал, что погибающая лошадь—его буланая.

Продажа во всех магазинах и киосках Госиздата